

П Р О З А

О. Павловский

БЕДНЫЙ

КРАЕВСКИЙ

Бедолага Краевский — вокзальная душа — выпутался-таки, хотя до сих пор в это мало кто верит. Восемь сотен честно заработанных денег он дал безо всякого залога. Хорошо, ему вернули долг и процент, а кто вернул — тоже подпортил о себе мнение, Краевский же — и так все знают, что бестолочь.

Дуракам везет. Девицы к нему липнут, даром, что малый он приятный и барахло носить умеет, но это все дурочки сопливые: нормальная баба не станет связываться с такой размазней.

Мимоза — последняя весна Мастера Гольцева — так и сказала: лошак. А Мимоза чувствует людей. Сам Мастер относится к Краевскому не то чтобы плохо, а как бы хорошо, так ведь Гольцев сроду ни перед кем не отчитывался и спрашивать его вряд ли кто станет — на то он Мастер.

Ясно одно: уважающий себя человек денег под ничего не даст. Потому с Краевским дел не имеют, разве что побирала Боб Бобов, жмот и прохиндей, да и от Бобова многие отвернулись с тех пор, как он попробовал педика в душевом пушкарской бани, там оди педики моятся, а после по-пьянке пару раз раскололся, под большим секретом разумеется. Мужчи-на он, конечно, целенаправленный — перепортил всех хороших девок из трикотажного ателье и теперь принялся за тех, что остались. Бабки у него тоже водятся: лепит из цемента исусов христов и чемоданами продает на базаре, но только деньги у него уходят, прости господи, туда, откуда он взялся на свет, — вот всю дорогу и побирается.

Прохиндей Боб Бобов проснулся среди дня, так как считался аристократом, и высморкался в пустой стакан.

День начинался без прикрас, а на левом ботинке образовалась небольшая дыра — дурной день. Боб натянул до ушей одеяло, но спать-то ему не пришлось.

В дверь трижды как к себе домой позвонили. Бесшумно, с ловкостью кошачей обезьяны Бобов пробрался в сортир и через духовое оконце осмотрел лестницу правым неслипшимся глазом. Так и есть — его обратно пришли выселять некультурные работники ЖЭКа. Чрезвычайно проворно Бобов оделся

и незаметно вышел через черный ход. Звонок, что называется, звонил...

Краевский тихо переживал свое горе. Машка Гольцева — гольцевская младшая сестрица — снова ушла к военному, хоть Мастер и предупреждал, что выпорет и ее, и ее, однако слова своего пока не сдержал. Теперь, когда у Краевского девять с половиной сотен живыми деньгами, она бы не стала спешить, только время уже упущено. Оставалось напиться и пойти набить Васю Паланина, который сильно издевался над ним, Краевским, в пятом классе. Краевский обиду помнил и всякий раз хотел...

Звонил телефон. Краевский мучительно пытался соврать и не сумел, и сейчас придет Бобов просить деньги. Впрочем, пускай приходит, все равно тошно.

У Бобова голова ни о чем не болит, если только с утра, прохвацией он... и Машка тоже... бедная Машка...

Бедная Машка гладила зеленые майорские штаны — майор Петухов отбывал в командировку.

Военный майор Петухов был счастлив. Во-первых, их маманя достала два кило икры, во-вторых, майор женится.

По такому случаю Петухов тайно купил джинсы, жаль не сходятся на животе.

Тогда он начал делать гимнастические упражнения, но от этого стал еще больше есть — с упражнениями пришлось прекратить.

Петухов рассматривал в зеркало свои большие ноги и думал, как он красив. Из кухни шел запах некуренного пара. Майор был счастлив.

Мастер Гольцев налил себе еще и взял новую сигарету. Позавчера они с Мимозой отмечали полугодие их жизни, и в буфете к ним пристал некрасивый мужчина, признался, что он разведчик, и попросил достать американские джинсы. Ну, Мимоза шутки ради сделала. Знал бы "разведчик", какие они

американские, он бы весьма затосковал.

Элегантный Боб Бобов пришел в пиджаке. По тому, как он вытаскивал вино, Краевский понял, что дело будет серьезное и честно признался, что у него совсем нет денег.

Бобов молчал, нахнул одеколоном, а на лбу у него было написано: Бобов не отступит. Тогда Краевский неожиданно для себя принес из чужого холодильника начатую бутылку водки и длинный как ятаган огурец.

— Краевский,— сказал Бобов,— давай выпьем и поговорим.

— Давай,— сказал Краевский.

И они выпили.

— Краевский,— продолжал Бобов, заедая огурцом,— у меня к тебе очень серьезное дело. Ты знаешь, у меня порвался ботинок.

— Да? — сказал Краевский и подумал: бедный Бобов, у него порвался ботинок, завтра у него снова что-то порвется, я его знаю. — Хорошо, я достану тебе ботинок, даже два, но только не сегодня. За ботинок полагается выпить, давай выпьем.

Выпили, и Бобов сказал, что ботинок стоит денег, в которых он, Бобов, крайне нуждается и которые Краевский занимает. Трудный человек Бобов.

Проклятый таксомотор, дребезжа капотом, уносил Петухова к вокзалу, выбирая самые окольные пути. Надо было спешить, потому что майору билета без очереди не полагалось. Обратная сторона майорского благополучия выглядела как всякая обратная сторона, то есть неважно. При мысли, что он так и не станет полковником, у Петухова подгибались ноги в нагнувшихся сапогах. Кроме того, с четверга на пятницу ему приснился сон: он непременно будет вынорот, причем кем и за что не сказали. Петухова терзали сомнения.

Мама вице-Петухова осталась одна в двухкомнатной квартире, и ей до смерти захотелось позвать в гости Мастера с Мимозой, которая очень любила икру. Мимоза понимает вкус-

ные вещи. Знал бы Мастер, какие джинсы американизируют петуховский гардеробчик, он бы прослезился.

Винцо Бобов принес неважноецкое. На последнюю Краевско-го-пятерку взяли еще, а когда закрылся магазин, на совсем последнюю четвертную пошли куда глаза глядят...

На второй этаж их не пустили, как и на первый. Бобов снял пиджак, отдал Краевскому и прошел мимо официанта будто и не выходил. Все обошлось лучше, чем надо.

Напротив сидела тетка лет двадцати — и скоро пришла еще одна. Тогда Бобов закатал рукава и сделал атлетический жест.

У Бобова врожденная потребность в физическом совершенстве. Однажды на пляже он засунул в плавки семипалатинскую колбасу, и половина загоравших ходила смотреть, а два азиата по-соседству ушли, не выдержав конкуренции.

Хорошо бы, думал изобретательный Бобов, незаметно облить Краевского бензином из зажигалки и спросить: что, он заправлял свою машину? — тогда девочки могут подумать, что и у Бобова есть машина.

— Бобов, убери, пожалуйста, свою зажигалку, — сказал Краевский, — от нее же несет бензином.

Хрустальная идея лопнула как сороковатка под потолком. Бобов крепился, разжевывая небольшой антрекот.

Краевскому не хотелось разговаривать. Девицы пошли танцевать, и он, глядя на ту, что пониже, думал, как сильно она шмыгает носом.

"Королевская жо..." — думал Бобов, глядя на ту, что пониже, однако виду не подал и доел антрекот до конца.

Вторая девица Краевскому понравилась больше, она была черна как ночь, платок в цветах и зубы золотые, в то время как первая — блондинка и с насморком. Между собой они, видимо, не знакомы, но Краевскому до этого нет дела, как и до девиц, Бобова, Машки, антрекота, и вообще от оркестра божепа голова.

Девочек звали по-разному: одну Вика, другую Лика. У

Лики был насморк, у Бики, похоже, болячи зубы, а у Краевского голова, кроме того, он сегодня потратил кучу времени и денег неизвестно куда. Один Бобов времени зря не терял — моментально познакомился с девочками и заказал водки, личицу и два стакана чая.

Мастера дома не было — Мастер был по делам — и две молодые особы вдвоем пили чай в квартире с запахом гуталина и одеколора "Шипр". Трудно сказать, что именно — икра или четвертинка водки — вывело Мимозу на откровенный разговор, но, судя по словам, жизнь у нее была не легкой и, если бы не Гольцев, торчать ей за прилавком и экономить на колготках неизвестно сколько, а молодость уходит. Мастер обещал купить ей к зиме шубу и купит, но Мимоза беременна и боится признаться, хотя это он виноват, а вдруг ему это не понравится, тогда он может шубу и не купить, у Мимозы шубы никогда не было, и пусть он сначала купит, а потом она расколется, была не была. Еще она боится, что у нее испортится фигура, — и тогда прощай и шуба, и человеческая жизнь.

Маша все понимала, хотя у нее не было ни беременности, ни шубы, правда на шубу надежда была, а вот на беременность не очень, больно уж у майора толстый живот. Майор, конечно, уже не молод, но сидит у Машки под башмаком, Краевский был бы лучше, но это надо быть ненормальной, чтобы связать с ним жизнь, у него же завтра дом сгорит или еще что случится, такой он невезучий человек.

Такой уж я невезучий человек, — думал Краевский, стараясь идти в ногу, но поминутно сбиваясь на собачий аллюр.

Вообще, ему полагалась черноволосая, но когда они черным ходом пришли к Бобову и Бобов поставил самовар, а Краевский мрачно наблюдал, как Бобов вешает светомаскировочную штору, блондинка Лика ударила Краевского в бок, требуя общения. Это было чересчур и он надавал ей по ее нахальным рукам, и она стала плакать и говорить, что лучше бы она не приходила и что она думала — он человек, иначе не сидела бы

тут, и потом дорывалась кануть в ночную мглу и раствориться в ней навсегда.

Краевскому ничего не оставалось, как пойти ее провожать, нельзя же отпускать бабу одну в два часа ночи, пусть даже она говорит, будто не хочет его видеть.

Таким образом, в одной руке у него был Ликин локон, в другой бутылка вермута, купленная на углу по ночной цене, и можно сказать — руки у него были заняты.

Черноволосая — баба понятливая, сразу поняла, насколько Бобов одинок и благороден, тем более он сам об этом сказал.

Да, он только что отдал Краевскому очень много денег, все до последнего, лишь бы выручить человека из беды, а что за беда сказать не может по причине своей повышенной скромности.

Намек оказался удачным, и дева без разговоров начала раздеваться, а Бобов, содрогаясь от изысканных чувств, скрылся в ванной; в такие мгновения он смотрел на себя как бы со стороны, а со стороны Бобов смотрелся классно. Оставалось решить: совсем голым ему выходить из ванной или не совсем; он решил, что совсем будет лучше.

Краевский проснулся поздно. По комнате были развешены предметы немужского туалета, причем наиболее никантная вещь свалилась ему на голову. Кроме него в постели находилась еще одна живая душа, которая сказала: "Мика, не приставай"... Кто Мика и почему Мика — Краевский не знал.

Несмотря на то, что накануне он был бесповоротно трагически пьян, подробности минувшей ночи... ах, черт! приятно вспомнить...

Краевский заглянул в зеркало. На него смотрело опухшее, но совсем немного, лицо глуповатого вида. Лицо сказало "гхм, кхм" и унынулось, оно напоминало два вареника, баклажан и парик циркового клоуна.

Ту самую никантную вещь Краевский обронил по дороге, когда же он ее подобрал и остановился, соображая, куда бы ее лучше пристроить, то заметил, что из-под одеяла на него смотрят два глаза, один из которых вызывающе весел.

Тогда Краевский окончательно понял, что он молод, счастлив и стоит в чем мать родила.

Маша провела скверную ночь. Ее мучили совесть, запах гуталина и утраченные грезы. Бедный Краевский, разумеется, снова проспал работу и, конечно, со вчерашнего ничего не жрал. Надо бы отнести ему немного котлет, но в теперешнем положении это не совсем удобно. Он будет валяться у меня в ногах, — думала Машка третьего дня, собирая монетки, но теперь она уже так не думала, теперь она с прискорбием сознавала, что этому никогда не бывать. Первая мысль ее совсем не обрадовала, а вторая уколола в сердце двухметровой иглой.

Повинуясь порыву бесхарактерности — почаще бы такие порывы! — она метнулась к телефону. Незнакомый женский голос ответил: "Он моется". И Машка, говоря языком протокола, нанесла телефонному аппарату непоправимый ущерб.

Она окончательно поняла, что молода, несчастна и стоит в чем мать родила.

Звонок звонил. Бобов улепетывал от справедливого — что поделаешь! — возмездия черным ходом, а некультурные работники ЖЭКА нанизывали на как бы специально вбитый гвоздь угрожающие записки внеурезжку с извещениями на квартплату.

Краевский молод, счастлив и неодинок. Краевский неплох собой, бестактен и крайне многословен. Кроме того, он был галантный человек. Краевский обожал быть галантным, Краевскому это нравилось.

Кто не был на Петроградской, не дружил с алкашами, не торговал шампиньонами на Сытном рынке в те дни, когда в

карманах сквозняк, в голове ветер, а душа скачет над крышами как гуттаперчивый мяч, что может сказать такой человек своим ненормальным внукам?

В таком случае, как им узнать, что асфальт приобретает к полудню тон раскаленного лимона, оставаясь в тени лилово-голубым, пахнущим клейким тополем и дождем, что в городе, где каждый переулок — история, а каждая история — переулок, или в худшем случае проходной двор, Петроградская — это его юг и если не сердце, то легкие, полные горячего воздуха.

Для Краевского запах кофе, голубиных перьев и гремучего дождя составляли ансамбль, перед которым... из чего можно заключить, что Краевский был зверски сентиментален.

Мимоходом заметим, что в город Куров майор Петухов прибыл в девять ноль-ноль сего дня без портфеля. Портфель загадочно исчез, пока Петухов, слегка отставив скрипучеглянцевую ногу, говорил проводнице — бабе шелковой — и сам верил, что жизнь его безгрешно одинока, а та ему отвечала "не щекотайтесь". Портфель пропал и вместе с ним бутылка коньяка, дарственная электробритва и целая палка замечательной колбасы, которой не достать ни за деньги, ни за какие красивые глаза. Вот до чего может довести сентиментальность серьезного человека.

Ангелика Линкина — блондинка Лика — сорок первый день как не замужем за прекрасным человеком, каких и раньше не запросто встретишь, а теперь их и вовсе нет.

Доцент Ростовский коллекционировал почтовые марки. Трогать оные марки Лике было категорически запрещено. Тогда Лика потихоньку завела на сэкономленные деньги собственный маленький альбомчик и прятала его в спальне.

Больше всего она любила четыре марки: коричневую латиноамериканскую с летящим самолетом и впечатляющим ландшафтом внизу, пропеллер у самолетика вертелся, крыльев было четверо и видны колесики, чтобы самолетик было чем ездить по земле, затем гладкую и блестящую с целым караваном

невольников и плантатором в коротких штанах, в тропическом шлеме и с хлыстом для истязания негров, потом еще одну с головой женщины совершенной красоты, и, наконец, совсем маленькую, где по звездному небу скакал рыцарь мальтийского креста, сбоку рыцарь напоминал пряник, но Лика была уверена, что внутри он отважен и добр.

Всего марок было около двадцати. Как мало! Как мало по сравнению с несметными запасами ее мужа! С отчаянья Лика решилась на преступление, и голубой в облаках стратостат перекочевал в ее альбомчик. Все равно у доцента их было четыре: красный, синий, белый и голубой.

Неизвестно, сколько бы продолжалось это незаконное пополнение ее коллекции, — ступив на трамплин порока вдруг не остановиться, — но как-то вечером вой смертельно раненого животного огласил все этажи академического дома. Короче, стратостат был водворен на место, альбомчик конфискован, а на преступной, я извиняюсь, попе остались следы суровой мужской пятерни.

Протосковав два, нет, два с половиной дня, Лика гвоздиком открыла фамильный ростовский секретер и освободила из-под ареста свой альбомчик — измятую мечту авантюрного сердца. Мальтийский рыцарь пострадал от нехорошего обращения и чуть было не лишился левого угла с копьём и мордой лошади.

Тогда от горя и страха перед новым разоблачением она сбегала на конспиративную квартиру старого Липкина, адреса которого никто не знал, почти без вещей — всего два чемодана, альбомчик и малолетний сын Мишка, которого Лика ненавидела, но любила.

Таким образом, вконец потерянная Анжелика оказалась на одной улице с идущим руки в карманы Краевским, более того — рядом с ним, держаась за его рукав и повинувшись психическому инстинкту идти куда идет.

Хорошо бы Краевский собирал марки — он подарил бы ей несколько штук, если бы она попросила, но нет, нет, нет —

это напрасные мечты, черт ее дернул пойти в ресторан, а собственно, почему не пойти, если тебя пригласили, тем более такой шикарный парень, музыкант, платить не надо, если бы он еще не дудел в свою трубу, а посидел с ней за столиком, раз в жизни сходишь в ресторан и то не лучшим образом, хорошо Бобов оказался таким оборотистым, что трубаач чуть не упал со сцены, она, конечно, провинилась, но эта черная шептала же Лике: "пойдем с ними, у них много денег", она одуру и пошла, и Краевский ей ни за что не простит, что в ресторане познакомилась, но как ей было с ним не пойти, ведь так скверно на душе, хорошо еще мальтийский рыцарь остался цел, он совсем не казался Лике пряником.

Навозные жуки отдавали едким запахом саркофагов. Старый Линкин возился со скелетиком клипера, наблюдая поверх старорежимных очков, чем это занимается его малолетний внук, а внук занимался не тем, чем надо.

Правда двадцативосьмипушечный бриг был сделан на редкость по правилам высокого искусства, но забраться в трюм и выгнать оттуда банду насекомых смог бы только самый маленький лилипут, вооруженный самой маленькой шпагой и фонарем. С отчаянной храбростью многоногие бандиты вабирались по вантам на страшную высоту и спускались вниз головой. От восторга под носом у Мишки созревала жемчужина.

Старый Линкин, вроде бы, ничего не замечал.

Город Куров пуст как старый трамвай и, честно говоря, делать там нечего.

В этот ранний час роль администратора гостиницы, швейцара и сторожа исполнял собственно сторож — человек себе на уме, глухонемой, — а роль его укладывалась в формулу: давай рубль — проходи. Все остальное время сторож читал газеты.

Петухов, оставшись без портфеля, чувствовал себя если и пассажиром, то уж безбилетным. Впридачу майор начисто не помнил, забыл он или не забыл сказать Маше перед отъездом,

чтобы она непременно сходила в Эрмитаж, точнее, в эрмитажный буфет, точнее, к тете Поне, двоюродной петуховской тете, сестре двоюродного дяди, который умер, передать или поклон от Петухова мамани, самого Петухова и от Веры Францены из Бологое и спросить, не подвезли ли ананасы или что другое, и не забыть ~~еще~~ пригласить ее на свадьбу, хотя и так уже два раза приглашали: один раз из-за икры, а другой — за колбасу, навсегда потерянную вместе с портфелем.

Покинув гостиницу, майор бегом побежал на почту.

Иван Дмитриевич Ростовский жил накануне краха культурной доцентской жизни. Отсутствие жены беспокоило его примерно в двух направлениях — он слегка отощал и заметил прилив мужской силы. Второе обстоятельство вынырнуло после просмотра в кулуарах госфильмофонда одного буржуазно-эротического фильма. К сожалению, доцент Ростовский опасался гонимой и не умел так это запросто отличить по виду легкомысленную женщину от нелегкомысленной, да и не отличаются они по виду, не отличаются.

Оставалось, либо предаться милой детской привычке, каковая как-то не вяжется с его общественным положением, либо... В общем, необходимо было на что-то решиться...

Вот что заставило Ивана Дмитрича надеть новый костюм, что он и сделал, и решил, насвистывая перед зеркалом "робертинолоретти", как он пройдет мимо преступной Анжелики, если ее встретит, как он гордо ее не заметит.

Добавим, что по причине молвы, а может и по другой причине, доцента четвертую неделю одолевают звонками и приглашениями Клавдия Козодой, фригидная дочь адмирала в отставке, женщина с прической, шляпой размером в небольшой зонт и маникюром, не позволяющим ей, будьте спокойны, играть ни на одном существующем музыкальном инструменте. Осторожный Ростовский побаивался впускать в дом это чудо природы.

Отправив достопримечательную телеграмму, Петухов и сам отправился в гостиничный ресторан, и выпил большую рюмку водки, но средство это, против ожидания, никак не укрепило в нем твердость духа, а наоборот настроило на меланхолический лад. Вспоминая Машку, брошенную в теплой ленинградской квартире на произвол судьбы и мужиков, майор мучался от любви и жалости. Привлось снова идти на почту и слать телеграмму с кратким мужественным содержанием: люблю страдаю петухов город ... М-М-М... малонаселен, написал он, припоминая о военной цензуре и, главное, о безусловно непримиримых врагах, и отдал бланк телеграфистке.

Но вернувшись в ресторан, Петухов ощутил большое волнение и выпил еще одну бутылку водки...

Понимает ли Машка серьезность его намерений? Вот в чем вопрос. Петухов помчался на почту и отправил телеграмму: сразу приезда женюсь петухов куров.

Петухова терзали сомнения.

Сомнения терзали Машку после первой и второй телеграммы, а после третьей они ее больше не терзали. Мерзавец Петухов, очевидно, пошел буквой "г" и теперь женится на толстой периферийной женщине, а все эти телеграммы с ананасами — чтобы запудрить Машкины мозги. Показать послания невоспитанного Петухова-Курова ихней мамане не позволяла Машке профессиональная гордость. И Машка, бросив квартиру, отправилась в неизвестном направлении в сторону Летнего сада...

В саду к ней привязался интересный мужчина в костюме и купил ей мороженое. От костюма пахло нафталином, от мороженого ничем особенным не пахло, а в воздухе гудели одинокие пчелы.

Мужчина Ростовский разговаривал хорошо и приятно. Машка, припоминая, что все они, безусловно, сволочи, держалась настороже.

Вконец потерянная и вновь нелегкая Анжелика уже не держалась за Краевского рукав, а балансировала, стоя на одной ноге на низком парапете Лебяжьей канавки, что со стороны Летнего сада,ominутно рискуя свалиться в эти светлые воды.

Старый Липкин медленно шел с другой стороны указанного водоема и дышал воздухом. Его малолетний внук неожиданно и рядом увидел свою собственную маму в несколько странной позе, и уже открыл рот, чтобы закричать, и закричал бы, если в этот самый миг не выскочил бы из кустов его собственный папа...

Короче, дело было так, причем старый Липкин вроде бы ничего не замечал.

Мужчина доцент Ростовский, чего никак не ожидала Машка, вдруг закричал: а-а-а! вот ты где! — и бросился в кусты.

Лика издала мышинный писк "ой-ой-е-е-ей" и бросилась в другую сторону.

Из-за кустов появилась Машка вместе с мороженым, чего Краевский уж никак не ожидал, и остунился, и свалился в воду. Бедный Краевский!

Впрочем, вода была теплая...

октябрь 1980, Л-д.